

ЯРОСЛАВ ШИМОВ

Восход Европы? Расширение Европейского союза: вопросов больше, чем ответов

1 мая 2004 года десять стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и Средиземноморья¹ обретут статус полноправных членов Европейского союза. Однако этот день вряд ли станет днем рождения единой Европы в том виде, в каком о ней некогда говорили пионеры современной европейской идеи — такие, как Жан Монне и Робер Шуман. Во-первых, «большая Европа от Атлантики до Урала» и сегодня остается такой же утопией, как во времена Шарля де Голля, который ввел это выражение в европейский политический лексикон. Восток и юго-восток Европы, т.е. бывший СССР (за исключением Прибалтики) и балканский регион, или в незначительной степени участвуют в процессе европейской интеграции, или развивают собственные интеграционные проекты (СНГ, ГУУАМ, Евразийское экономическое сообщество и др.). Часть этих проектов выходит за рамки Европы и носит евразийский характер (уже упомянутое ЕвразЭС, Договор о коллективной безопасности стран СНГ, Шанхайская организация сотрудничества и проч.). Проблемы во взаимоотношениях ЕС, России и других постсоветских стран (калининградский вопрос, ситуация с визовым режимом для россиян в странах Шенгенской зоны и проч.) заставляют задуматься о том, не возникнет ли в ближайшие годы вместо рухнувшего «железного занавеса» другой, менее жесткий барьер, так сказать, «ватный занавес», отделяющий интегрированное пространство Евросоюза от его восточных соседей?

Во-вторых, сам евросоюзовский проект — это скорее набор вопросов, нежели ответов. В декларации Европейского Конвента, подготовившего проект конституции ЕС, сформулированы как эти вопросы, так и предполагаемые цели европейской интеграции: «Союз собирается расширяться, вобрав в себя десять новых членов — преимущественно центрально- и восточноевропейские страны. Тем самым будет положен конец одной из самых темных глав в истории континента. Европа наконец находится на пути к превращению в единое целое, членов которого объединяют общие ценности, надеж-

¹ Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чехия и Эстония.

ды, проекты, правила и институты... Для того, чтобы это произошло, необходимо дать ответы на следующие базовые вопросы:

Каково должно быть разделение полномочий между органами Союза и государствами-членами?

Как лучше определить задачи отдельных европейских институтов?

Как добиться единства и эффективности внешних сношений Союза?

Как усилить демократический правовой порядок в рамках Союза?»²

На самом деле этих вопросов гораздо больше. Их, на мой взгляд, можно разбить на несколько групп. Первая касается базовых ценностей, которые должны составить идейный, моральный и социально-психологический фундамент современной европейской цивилизации, на роль ядра которой, очевидно, претендует Европейский союз. Вторая группа относится к взаимоотношениям отдельных стран и регионов в рамках «расширенного» ЕС, в первую очередь — к тому, как будет проходить взаимная экономическая, политическая и культурно-психологическая «притирка» старых и новых членов Союза. Третья группа вопросов относится к временным и пространственным границам самого процесса расширения. Иными словами, придут ли вслед за нынешней новые волны экспансии ЕС на восток и юг и какие страны они будут включать? Каковы будут отношения между частью Европы, интегрированной в рамках ЕС, и наиболее крупными государствами, которые в обозримом будущем, судя по всему, останутся за пределами этого пространства, — в первую очередь Россией, Украиной и Турцией? Наконец, четвертая группа — это вопросы об обоснованности и реализуемости претензий новой Европы на роль самостоятельного (или по крайней мере автономного) геополитического центра мирового значения, а значит — о перспективах взаимоотношений Европы и США, Европы и России, Европы и стран Ближнего Востока...

В этой статье содержится краткий и, несомненно, неполный анализ перечисленных проблем в историческом контексте и делается попытка дать предварительные ответы на некоторые из поставленных вопросов.

На том стоим! А на чем, собственно?

В Европе давно уже идут довольно бурные дискуссии относительно того, что именно считать наследием Старого Света, на какие культурно-исторические, в том числе религиозные, традиции должна опираться объединенная Европа и каким образом отразить их в основополагающих документах ЕС. Выяснилось, что единого мнения по этой проблеме пока нет. Должен ли, скажем, в новой конституции, где как раз и говорится об общих ценностях европейцев, к примеру, быть упомянут Бог? Пойдет ли там речь о христианской религии как важной составной части духовного наследия Европы? По данным социологических опросов, христианской считает европейскую цивилизацию и большая часть населения в странах, где религия и церковь по-прежнему являются существенными элементами общественной жизни — Испании, Италии, Польше, Венгрии, Греции, южных землях ФРГ... В то же время представители более либеральных стран — Великобритании, Франции,

² What are the issues? Declaration of the European Convention.

Нидерландов, Бельгии, Дании — полагают, что современная Европа настолько разнородна, а мультикультурализм стал до такой степени неотъемлемой ее чертой, что опираться на христианскую традицию означает противопоставлять друг другу «старых» и «новых» европейцев. К тому же в самом христианстве вот уже тысячу лет нет единства, а если учесть тот факт, что в ворота Евросоюза все настойчивее стучится мусульманская Турция, то картина получается и вовсе запутанная.

Не секрет, что нынешняя Европа весьма разнородна, и задача определить ее культурно-историческое наследие крайне нелегка. Есть сразу несколько духовных и социальных традиций, лежащих в основе современных европейских ценностей. Это, во-первых, демократия, ведущая свою родословную от античных греческих полисов, во-вторых, христианство и в-третьих — берущие начало в эпоху Просвещения либеральные идеи индивидуальной свободы и прав человека. Можно, конечно, спорить о том, насколько сочетательно все вышеперечисленное и если да, то в каких пропорциях, а также о том, много ли общего имеет сегодняшняя Европа с древними Афинами, Западом времен крестовых походов или Францией эпохи Вольтера. Не стоит забывать и о «священном праве частной собственности» — ведь именно оно, по мнению некоторых историков, в общем-то, сделало Европу Европой: «...Европейский путь развития — это чередование структурных модификаций (античная, феодальная, капиталистическая), при которых частнособственническая активность, хотя временами, в первые века феодализма, и отступавшая, в конечном счете была ведущей и структурообразующей. Именно господство частной собственности, огражденное системой соответствующих политических, правовых и социокультурных институтов, породило капитализм и тем заложило основу бурного экономического развития не только Европы, но и всего мира..., когда неевропейские страны были втянуты капиталистической Европой в единое мировое рыночное хозяйство со всеми вытекающими отсюда последствиями»³. Но главное, на мой взгляд, не это. Ведь любое рассуждение о ценностях того или иного сообщества предполагает наличие у данного сообщества собственной идентичности, его пусть относительную, но целостность (которая далеко не всегда отрицает разнородность). Можно ли говорить о такой целостности и идентичности применительно к современной Европе? Является ли сегодня Европа еще чем-то, кроме географического понятия?

Несколько лет назад, занимаясь проблемой специфики европейского исторического пути, автор этих строк отмечал постоянное чередование в истории Старого Света двух моделей общественного порядка, условно названных «тезисом» и «антитезисом». На протяжении по меньшей мере последних полутора тысяч лет в Европе происходит «чередование «тезисных» и «антитезисных» эпох; обе модели каждый раз предстают в новом институциональном облике, но довольно легко распознать их «кровное» родство или с антично-ренессансной (рационалистической, индивидуалистической и конкурентной), или со средневековой (религиозной, коллективистской и иерархической) моделью... Между эпохами «тезисной» и «антитезисной»

³ Л. С. Васильев. История Востока. М., 1998. Т. 1. С. 18.

упорядоченности лежали более или менее долгие переходные периоды, когда элементы обеих моделей социального порядка сосуществовали и конкурировали... Европейская цивилизация переживала очередную эпоху хаоса, из которого со временем рождался новый — «тезисный» или «антитезисный» — порядок»⁴. В настоящее время Европа, судя по всему, находится именно в таком периоде «креативного хаоса», в недрах которого зреет новый порядок.

«Трехтактный двигатель» европейского исторического развития (две антагонистические модели социальной упорядоченности плюс соединяющий их «креативный хаос») придал Европе несколько парадоксальную по сути цивилизационную целостность. Вне всякого сомнения, сегодня, как вчера и позавчера, Европа — нечто гораздо большее, чем нагромождение крупных, средних и мелких народов и государств в западной части евразийского материка. Однако именно сейчас разработка общеевропейских ценностей представляется попыткой поставить телегу впереди лошади: такие ценности сформируются лишь по мере того, как новый европейский порядок станет реальностью. Эти ценности, несомненно, вберут в себя многое из прошлого, однако сочетание элементов нового и старого в грядущей мозаике новой Европы неизбежно окажется уникальным и неповторимым. Пока же на протяжении десяти с лишним лет (с момента крушения социалистического лагеря, с одной стороны, и подписания Маастрихтского договора, резко ускорившего темпы западноевропейской интеграции, — с другой) на пространстве от Атлантики до Урала протекают разнообразные и разнонаправленные процессы, под влиянием которых постепенно вырисовывается облик Европы XXI века. Эти процессы далеко не всегда стихийны по своей природе, их зачастую можно и нужно корректировать. Но такая корректировка вряд ли может происходить в рамках заданных «сверху» ценностных установок. Нынешняя Европа еще решает, какой она будет. Это во многом зависит от того, насколько успешным окажется сращивание тех частей Старого Света, которые в силу обстоятельств были разделены на протяжении целых исторических эпох.

Долгая история раскола Европы

Фактически расширение ЕС означает первую за многие века попытку преодолеть глубокий раскол между западом Европы, с одной стороны, и ее центром, востоком и юго-востоком — с другой. История этого раскола насчитывает без малого тысячу лет, если брать в качестве точки отсчета 1054 год — окончательное оформление церковной схизмы между западным и восточным христианством, католицизмом и православием. Однако в значительно большей степени, чем религиозные распри, «творцами» разделения Европы явились воинственные кочевые народы, вторгавшиеся в нее из азиатских степей. Некоторые из них, например, гунны, потерпев военное поражение, растворились во мгле раннего средневековья, другие (венгры) переняли христианскую религию, культуру, основы социального строя и стали европейцами, третьи же — монголы и турки-османы, — утвердившись на ок-

⁴ Я. Шимов. «Миф о спасителе» и социальная эволюция // Свободная мысль, 2000. № 7. С. 24–25.

раинах Европы, оказали сильное и по преимуществу негативное влияние на ее дальнейшую судьбу. Именно с XIII–XV веков, т.е. со времени монгольского и турецкого вторжений, начинает нарастать разрыв между западом и востоком Европы, увеличиваются экономические, политические, социокультурные различия, которых раннее средневековье не знало⁵.

В результате сложилась ситуация, при которой относительное благополучие Западной Европы на протяжении многих веков, как заметил Фернан Бродель, «охранялось баррикадой Восточной Европы, а его (Запада – Я.Ш.) мир покупался ценой страданий ее жителей»⁶. Новое время застало старый континент разделенным. Ни формирование в XVI–XVII вв. центральноевропейской монархии Габсбургов, ни оттеснение турок за Дунай в начале XVIII века, ни превращение в ту же эпоху России в европейскую (хотя бы с точки зрения геополитики) державу не могли изменить баланс сил в пользу центра и востока Европы. Этот регион, преимущественно аграрный, сильно отставал от индустриально-торгового Запада. Помимо разницы экономической, обе части Европы разделяла и несхожесть политического строя. Она стала особенно очевидной после Великой французской революции и эпохи наполеоновских войн, когда Старый Свет разделился на либеральный во главе с Британией и Францией и авторитарный, ядром которого был «Священный союз» консервативных Австрии, России и Пруссии.

XIX век стал столетием национализма, но и к понятию «народ», «нация» в разных частях Европы подходили по-разному. Если на Западе возобладало представление о политической nation, объединяющей граждан одного государства (чему способствовал тот факт, что государства в западной части Европы сложились как правило в эпоху, предшествующую формированию современных наций), то в Центральной и Восточной Европе верх взяла философия национал-романтизма Гердера, Фихте и Шеллинга. Как отмечает оксфордский профессор, чех по происхождению Збынек Земан, эта философия «не рассматривала формирование нации как сложный процесс, в рамках которого особая роль принадлежит усилению центральной власти, созданию единого экономического пространства, развитию... общей коллективной памяти»⁷, а предпочитала оперировать полумистическими понятиями «крови и почвы», считая нацию неким высшим даром, средством реализации определенной миссии, которую Провидение дает каждому народу. Как говорилось в уставе организации «Молодая Европа», объединявшей в 30-е гг. XIX в. тайные революционно-националистические общества ряда европейских стран, «у каждого человека есть собственное предназначение, которое объе-

⁵ В качестве примера политического единства Европы перед монгольским нашествием часто приводят династическую политику Ярослава Мудрого, отдавшего своих дочерей в жены королям Франции и Норвегии и одному из польских князей. В действительности русские княжества той эпохи, особенно Галицко-Волынское, Полоцкое и некоторые другие, были связаны с Западной Европой целой сетью династических браков, военно-политических и торговых соглашений.

⁶ Цит. по: Capitalism and Material Life, 1400–1800. London, 1979. P. 57.

⁷ Z. Zeman. Vzestup a pád komunistické Evropy. Praha, 1998. S. 31.

⁸ См.: Э. Хобсбаум. Век революции, 1789–1848. Ростов-н-Д., 1999. С. 187.

динится с миссией всего человечества. Эта миссия и определяет его национальность. Национальность — это святое»⁸.

Несмотря на смену исторических обстоятельств, такой подход к проблеме формирования наций сохранился в центре и на востоке Европы и в XX столетии. Этому способствовало постепенное «дозревание» самосознания многих народов региона, которые намного позже, чем их западные собратья, встали на путь национально-культурного, а затем и государственно-политического самоопределения. Национализм явился одной из главных причин обеих мировых войн. Он же, стимулируя и концентрируя усилия отдельных наций на задачах государственного строительства и экономической модернизации (пример — превращение Германии в мировую державу в конце XIX — начале XX вв.), в то же время препятствовал реализации интеграционных начинаний, которые могли бы способствовать преодолению европейского раскола. Так, проект *Mittleuropa*⁹, выдвинутый в 1915 году немецким социологом, экономистом и политиком Фридрихом Науманом, предполагал теснейший экономический союз и взаимодействие стран и народов «на пространстве между Вислой и Вогезами, Галицией и Боденским озером». При этом Науман подчеркивал, что речь идет о создании не некоей суперимперии, а «союза существующих государств... Решающими, ответственными носителями развития... остаются заключающие договор современные суверенные государства. Они делают друг другу взаимные уступки, однако... не прекращают быть субъектами будущих совместных действий»¹⁰. Но уже шла мировая война, и в ее контексте *Mittleuropa* могла восприниматься только как средство увековечивания германской гегемонии в центральноевропейском регионе, а в перспективе — и во всей континентальной Европе.

Главным геополитическим итогом Первой мировой стала победа запада Европы при поддержке неевропейской державы (США) не только над ее центром (Германия была разбита и поставлена на колени Версальским миром, Австро-Венгрия перестала существовать), но и над востоком в лице России. Последняя, хоть и вступила в войну на стороне будущих победителей, в результате большевистской революции оказалась среди побежденных, став «страной-изгоем». Однако победа Запада была пирровой. Созданная им в Центральной Европе «Версальская система» небольших государств, связанных союзными договорами как с Францией и Британией, так и между собой, не сумела ни предотвратить геополитическое возрождение Германии, ни стать эффективным барьером на пути большевизма. Порочность «Версальской системы» заключалась в том, что она не преодолевалась, а наоборот — углубляла политический раскол Европы. Раскол экономический также оставался весьма глубоким, т.к. в межвоенный период не было принято никаких существенных мер по интеграции европейского хозяйственного пространства. Напротив, Великая депрессия начала 30-х гг. до осно-

⁹ В российской историографии название этого проекта и одноименной книги Ф. Наумана, в которой он был изложен, принято переводить как «Срединная Европа» — очевидно, во избежание путаницы с политико-географическими понятиями «Центральная Европа» и «Средняя Европа».

¹⁰ Цит. по: Б. М. Туполев. «Срединная Европа» в экспансионистских планах германского империализма накануне и во время первой мировой войны. В сб.: Первая мировая война: пролог XX века. М., 1998. С. 116.

вания потрясла экономику Старого Света. Следствием всех этих негативных процессов стал подъем новой, четвертой¹¹ волны национализма и в конечном итоге – Вторая мировая война. Здесь мы вступаем на порог эпохи, которую можно считать современностью.

Живая и мертвая вода интеграции

Результатом Второй мировой явилась, видимо, окончательная утрата Европой роли главного геополитического центра планеты и разделение Старого Света на сферы влияния двух неевропейских (или – в случае с СССР – не совсем европейских) великих держав: Советского Союза и США. Раскол Европы стал как никогда более зримым, воплотившись в «железном занавесе». К западу от «занавеса» в 50–60-е гг. начались первые попытки долговременного межгосударственного сближения на экономической основе. «Европейское объединение угля и стали» трансформировалось в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), которое к середине 80-х не только объединило большинство капиталистических государств Старого Света, но и начало преобразовываться из инструмента чисто экономического сотрудничества в более широкий интеграционный проект, основанный на принципах либеральной демократии и правового государства. В то же время геополитическая роль Западной Европы на протяжении всего периода «холодной войны» оставалась довольно небольшой. С одной стороны, страны этого региона находились в сильной военно-политической зависимости от США. Отдельные попытки некоторых из них вести самостоятельную политику – как, например, Франции при де Голле – не могли существенно повлиять на общее положение дел. С другой стороны, советско-американское противостояние быстро приобрело глобальные масштабы, и в условиях, когда обе стороны были способны многократно уничтожить друг друга с помощью ядерного оружия, стратегическое значение Европы как потенциального театра военных действий резко снизилось. Наконец, в экономическом отношении ЕЭС стало отставать не только от США, но и от Японии. Западная Европа понемногу превращалась в «мировую провинцию».

Между тем в социалистическом лагере происходили процессы, которые – если отбросить политико-идеологическую оболочку – можно назвать традиционными для центра и востока Европы. Это было, пользуясь терминологией некоторых современных исследователей, «догоняющее развитие», т.е. попытка в исторически короткий срок сократить отставание от Запада по основным социально-экономическим параметрам. В результате «к началу восьмидесятых эти (социалистические – *Я. Ш.*) страны в основном завершили решение важнейших задач индустриализации и урбанизации: была подготовлена социально-экономическая почва для последующих преобразований»¹². Проблема, однако, заключалась в том, что в рамках социалистиче-

¹¹ Если считать первой волной подъем националистических настроений в странах, оккупированных Наполеоном в 1805–1814 гг., второй – «весну народов» середины XIX в., а третьей – атмосферу имперско-националистической истерии на рубеже XIX–XX вв., результатом которой стала Первая мировая война

¹² Социокультурные трансформации второй половины XX века в странах Центральной и Восточной Европы. Под ред. Н. В. Коровицкой. М., 2002. С. 11.

ской модели эти преобразования, связанные с переходом к стандартам постиндустриального общества, не могли быть осуществлены. Положение осложнялось серьезным моральным кризисом, возникшим в 70-е гг. в социалистических странах. Идеология коммунизма пришла в упадок, потребительские запросы общества росли, а удовлетворить их социалистическая экономика была не в состоянии. В активный возраст вступило новое поколение, приверженное ценностям, весьма сильно отличавшимся от тех, которым были верны их родители. Реформы 80-х гг. стали последней надеждой на сохранение прежней модели развития. Однако ей не суждено было сбыться. Социалистический лагерь рухнул, раскол Европы был формально преодолен.

Фактически же к востоку от бывшего «железного занавеса» сложилась необычная ситуация. С одной стороны, в обстановке эйфории первых посткоммунистических лет большая часть восточноевропейцев воспринимала материальные и духовные ценности Запада как несомненный образец для подражания и ориентир для собственных стран. С другой — неудача «догоняющего развития» при социализме поставила бывшие соцстраны перед необходимостью снова догонять Запад, на этот раз — в условиях постиндустриального капитализма. Подлинную цену нового витка этой гонки в бывших «бараках соцлагеря» узнали далеко не сразу, и как правило — мучительным методом проб и ошибок. Наконец, в 90-е гг. на востоке Европы поднялась новая, уже пятая волна национализма, обусловленная крахом интернационалистской коммунистической идеологии и созданных коммунистами имперских и квазиимперских государств — СССР и Югославии. Как отмечала в начале 90-х тогдашний генеральный секретарь Совета Европы Катрин Лалюмьер, «пятьдесят лет стабильности и демократии на западе Европы дали возможность выйти за рамки модели государства-нации, в то время как на востоке пятьдесят лет диктатуры... повернули самосознание обратно к вопросам этнической и национальной идентичности»¹³. Все эти факторы свидетельствовали о том, что подлинное преодоление раскола Европы не могло быть достигнуто устранением «железного занавеса» и формальным утверждением демократического строя во всех странах бывшего соцлагеря. Крушение коммунизма сыграло роль сказочной мертвой воды, соединившей части разрубленного некогда тела. Но для того, чтобы организм ожил, нужна была иная вода — живая.

Попытку узнать секрет этой живой воды и представляет собой, по сути дела, история евроинтеграции последнего десятилетия. Для нее характерно переплетение экономических, политических и военно-стратегических факторов. Ведь отождествлять интеграцию исключительно с развитием и расширением ЕС было бы неверно. Ее составными частями являются и экспансия НАТО на восток, и поиски этим военным блоком новой роли в изменившихся геополитических условиях, и попытки усиления позиций Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в общеевропейских процессах, и введение в 12 из 15 стран ЕС единой валюты — евро, и обозначившийся в последние годы новый формат взаимоотношений между НАТО и Евросоюзом, с одной стороны, и Россией — с другой... Для всех этих процессов были

¹³ C. Lalumiere. The Council of Europe's Place in the New European Architecture // NATO Review, 1992. Vol. 40. # 5. P. 8.

характерны три фазы, которые можно условно обозначить как романтическую, стабилизационную и прагматическую. Первая из них — в начале 90-х гг. — характеризовалась безудержным оптимизмом в отношении перспектив и масштабов интеграции. В это время выдвигались самые нестандартные идеи — от предложения Вацлава Гавела (1990) одновременно распустить Варшавский договор и НАТО (позднее Гавел, ставший одним из главных сторонников расширения НАТО на восток, очень не любил вспоминать об этом) до высказываний тогдашнего главы МИД России Андрея Козырева о полезности и даже необходимости вступления РФ в Североатлантический альянс.

К середине 90-х, однако, выяснилось, что трудности переходного периода в большинстве стран бывшего восточного блока оказались более серьезными, чем предполагалось. Балканы, а отчасти и постсоветское пространство превратились в обширные зоны гражданских войн и межэтнических конфликтов, угрожавших дестабилизировать всю Европу. К тому же Запад вновь, как в эпоху «Версальской системы», оказался не в состоянии сыграть в этих конфликтах роль объективного арбитра. Наоборот, он встал на сторону одной соперничающей стороны (хорватов и боснийских мусульман) против другой (сербов). Кроме того, геополитическое наступление Запада не вызывало восторга у российской элиты, стремившейся к удержанию хотя бы некоторых позиций, унаследованных РФ от СССР. В результате бывший «восточный блок» фактически распался на три региона с неодинаковым статусом по отношению к Западу и различной степенью участия в интеграционных процессах. Первый, центральноевропейский регион включает в себя страны, наиболее успешно преодолевшие трудности первоначального этапа экономической трансформации и настроенные однозначно прозападно в политическом смысле: Венгрию, Польшу, Словакию, Чехию, с некоторыми оговорками — Словакию, а также бывшие республики советской Прибалтики. Для второго региона — восточноевропейского, к которому можно отнести остальные европейские республики бывшего СССР (Россию, Украину, Белоруссию, Молдавию), характерно гораздо большее разнообразие моделей экономического и политического развития, куда более серьезные, чем у стран первого региона, социально-экономические проблемы и куда менее прозападный внешнеполитический курс. Наконец, третий регион — Балканы — пережил серию кровавых междоусобиц, в результате чего почти все его страны пришли в состояние экономического упадка, во многих случаях дополненного внутривластной нестабильностью. Со второй половины 90-х США при поддержке ЕС проводят на Балканах курс на создание фактического протектората (Босния и Косово — наиболее известные примеры), а о полноценной интеграции этого региона в «единую Европу» можно говорить лишь в весьма отдаленной перспективе¹⁴.

Таким образом, примерно с 1999 года (дата вступления в НАТО трех первых бывших соцстран — Венгрии, Польши и Чехии) начинается новый, прагматический этап европейской интеграции. Западным элитам становит-

¹⁴ Исключениями здесь являются Румыния и Болгария, оставшиеся в 90-е гг. в стороне от балканских войн. Несмотря на немалые экономические трудности, эти страны получили обещание в случае выполнения ими ряда условий быть принятыми в ЕС в 2007 — 2009 гг.; членами НАТО Румыния и Болгария должны стать уже в нынешнем году.

ся ясно, что в ближайшем будущем Западу под силу интегрировать в свои структуры лишь относительно небольшую часть бывшего восточного блока. Более того, издержки интеграции оказываются столь существенными, что обе стороны начинают тщательно взвешивать каждый шаг, направленный на дальнейшее сближение. Новые глобальные геополитические тенденции, проявившиеся в 2001–2003 гг., заставляют ЕС и НАТО пересмотреть многие аспекты своего курса. На передний план выдвигаются проблемы борьбы с терроризмом, совместной охраны общеевропейских границ, координации иммиграционной политики. Происходят серьезные сдвиги в отношениях Западом с Россией, которая из источника потенциальной угрозы и зоны нестабильности становится союзником в решении многих ключевых проблем. Напротив, в отношениях Западной Европы и США возникает некоторая напряженность, обусловленная их неодинаковым подходом к конфликтам на Ближнем Востоке и приверженностью нынешней американской администрации к односторонним, не согласованным с союзниками действиям на международной арене. В результате европейская интеграция в определенной мере утрачивает идеологический оттенок, становясь сугубо прагматическим проектом, направленным на укрепление безопасности, политической и экономической стабильности Старого Света. Проектом, осуществление которого – сложный и небыстрый процесс. Это вполне логично: живой воды даже в сказках не бывает много, и расходовать ее нужно с умом.

Где пройдут границы новой Европы?

Если на западе, севере и юге Европа имеет естественные границы, совпадающие с побережьем двух океанов и множества морей, то ее восточные рубежи размыты. Географы, конечно, проводят границу Европы и Азии по Уральскому хребту, реке Эмба и Кавказу, однако граница эта условна и не вызывает никаких исторических, геополитических или культурных ассоциаций – в отличие, скажем, от самих понятий «Европа» и «Азия». Между тем вопрос о границах Европы – это, по сути дела, вопрос о границах западной цивилизации, об ареале распространения – при всех национальных и государственных различиях – схожего образа жизни, экономического строя, подобных государственно-политических и правовых моделей, психологии, нравов и обычаев. Где кончается Европа и начинается Азия, Ближний или Средний Восток? Можно спросить и иначе: до каких пределов намерена расширяться та Европа, локомотивом которой собирается стать ЕС? И можно ли ставить знак равенства между понятиями «Европа» и «Европейский союз»? Возможна ли европейская по духу и целям интеграция вне рамок ЕС? В настоящее время четкого ответа ни на один из этих вопросов не существует.

Зато существуют опасения благополучных и зажиточных западноевропейцев относительно возможных последствий экспансии на восток. По данным представительного опроса общественного мнения, проведенного в 2002 году итальянским фондом «Фундационе Норд Эст» в странах ЕС, в среднем лишь 29,3% западноевропейцев полагает, что расширение Союза «необходимо и выгодно». 17,7% опрошенных считают его «необходимым, но невыгодным», 21,6% настаивают на том, что число стран-кандидатов «следовало бы ограни-

чить лишь несколькими государствами». Наконец, наиболее распространенным (31,3% респондентов) было мнение, согласно которому расширения ЕС «вообще следует избегать, поскольку оно принесет больше проблем, чем выгод»¹⁵. Основные опасения западноевропейцев касаются наплыва из Центральной и Восточной Европы дешевой рабочей силы, способной составить конкуренцию на рынке труда местным жителям, роста безработицы и преступности, общего снижения жизненного уровня за счет перераспределения средств ЕС в пользу новых членов Союза. Эти тревоги не лишены оснований, если учесть, что даже страны Центральной Европы, которые находятся ближе других к западным стандартам жизни, по уровню благосостояния все еще несопоставимы с западноевропейскими соседями. По данным британского еженедельника «Экономист», в Центральной Европе ВВП на душу населения в год составляет: в Словении — 18 тысяч долларов, в Чехии — 15 тысяч, в Венгрии — около 14 тыс., в Словакии и Эстонии — 12 тыс., в Польше и Литве — чуть более 10 тыс., в Латвии — 9 тыс., в то время как средний показатель по ЕС — 26 тысяч долларов¹⁶.

Однако и у стран-кандидатов есть собственные тревоги, касающиеся их будущего в ЕС. В частности, на саммите Евросоюза в Копенгагене в декабре 2002 года обсуждался вопрос об отчислениях этой организации своим будущим членам. Результаты не слишком удовлетворили большинство стран-кандидатов. Согласно копенгагенским договоренностям, до 2006 года (т.е. в первоначальный, наиболее сложный период пребывания в Союзе) из специального фонда ЕС, покрывающего примерно две трети всех расходов на расширение, будет тратиться следующее количество средств в пересчете на душу населения: для Польши — 60 евро, Венгрии — 45, Словении — 42, Чехии — 29 евро. Для сравнения приведем размеры дотаций, полученных наименее благополучными членами ЕС из брюссельской кассы в 2000 году (также на душу населения): Греция — 437 евро, Ирландия — 419, Испания — 216, Португалия — 211 евро¹⁷. Европейская комиссия утверждает, что небольшая величина дотаций для Центральной Европы в первую очередь связана с относительно невысоким уровнем доходов и покупательной способности населения в этих странах — по сравнению с государствами, уже состоящими в ЕС. Однако это объяснение удовлетворяет далеко не всех. Кроме того, целым секторам экономики региона придется после 2004 года весьма непросто. В частности, сельское хозяйство стран-кандидатов в течение как минимум пяти лет после вступления будет получать от Евросоюза дотации, составляющие не более половины (первоначально Брюссель настаивал на 25%) уров-

¹⁵ По данным опроса, наиболее скептически настроены оказались британцы (41,2% опрошенных — против расширения ЕС), наиболее оптимистично — жители Италии (38,6% считающих расширение «нужным и выгодным»). См.: K. Polednová. Rozšíření Evropské unie a migrace v Evropě po roce 2000. Postoje členských a kandidátských států // Mezinárodní politika, 2003. С. 3. S. 12.

¹⁶ The Economist, Aug. 16 — 22, 2003. P. 21. Данные приведены с учетом так называемого паритета покупательной способности, позволяющего сравнивать реальные доходы и жизненный уровень в разных странах.

¹⁷ Статистические данные приведены по: Nadcházejícího rozšíření: vysoké, nebo nízké? // Mezinárodní politika, 2003. С. 3. S. 6.

ня дотаций, перепадающих западноевропейским фермерам. Многие экономисты полагают, что такое положение приведет к массовым банкротствам в аграрном секторе Польши, Венгрии, Словакии и Чехии.

Все перечисленное касается лишь экономического аспекта проблемы расширения. Но есть и другие моменты. В разгар кризиса вокруг Ирака неожиданно выяснилось, что отношения с США могут стать катализатором нового раскола Европы. Американский министр обороны Доналд Рамсфелд, сделав в своей известной речи реверанс в сторону «новой Европы», под которой подразумевались в первую очередь страны ЦВЕ, придерживающиеся проамериканской ориентации, вызвал волну воодушевления у политических элит этих стран. И хотя общественное мнение в государствах региона на протяжении всего конфликта в Ираке оставалось устойчиво антивоенным, некоторые «новые» европейцы (в первую очередь Польша, ставшая вторым по значению после Великобритании союзником США в Ираке) получили от этой войны немалые геополитические дивиденды. А заодно — показали «старой», антивоенно настроенной Европе во главе с Германией и Францией, что ситуация, при которой путь из Берлина и Парижа в Вашингтон будет проходить, например, через Варшаву, отныне вовсе не является бессмысленной утопией. Кроме того, после войны в Ираке стало ясно, что опора евроатлантического сотрудничества медленно, но верно смещается на восток. Кстати, вскоре этот процесс примет конкретные формы: большинство военных баз НАТО, находящихся в Западной Европе, будет в ближайшие годы или ликвидировано, или переведено на восток и юго-восток — в Польшу, Венгрию, Румынию и Болгарию. То есть поближе к беспокойным регионам, в которых ныне задействованы войска США и НАТО — Балканам, Ближнему Востоку и Центральной Азии.

Таким образом, одно из направлений американской политики в Старом Свете — укрепление позиций «новой» Европы в противовес Франции и Германии. А заодно — создание «профилактического» барьера на случай нового всплеска нестабильности на постсоветском пространстве. Американский фактор — одна из причин того, что, вопреки раздававшимся в начале 90-х прогнозам, Центральная и Восточная Европа не только не превратилась из геополитического в чисто географическое понятие, но даже наоборот — ее стратегическое значение несколько выросло. Опора «новых» европейцев на США как главного партнера в военно-стратегической области означает также, что вынашиваемые некоторыми лидерами Евросоюза планы ускоренного формирования европейских вооруженных сил и придания внешней и оборонной политике ЕС большей самостоятельности вряд ли будут осуществлены достаточно быстро. Если конкуренция Европы и Америки в различных областях экономики является свершившимся фактом и, несомненно, будет продолжаться, то в политической и военной сферах у Европы, судя по всему, нет шансов не только посоперничать с США, но хотя бы несколько ослабить узы атлантизма, которые иногда, как жалуются европейские, особенно французские, политики, способны превращаться в настоящие путы.

Мы подошли к двум другим важным темам, связанным с процессом европейской интеграции: региональному сотрудничеству и отношениям нынешнего и будущего ЕС с европейской периферией — странами СНГ, Балканами и

Турцией. Сейчас все громче звучат голоса, заявляющие, что будущая Европа не будет ни по-настоящему единой, т.е. унитарной или федеративной, ни Европой национальных государств, связанных между собой чем-то вроде конфедеративных отношений, а Европой регионов. Именно на этот уровень, по мнению сторонников данной теории, перейдет большая часть полномочий, сосредоточенных ныне в руках национальных правительств и брюссельской «еврократии» — органов Евросоюза¹⁸. В подобных рассуждениях есть своя логика. С одной стороны, уже с 1 мая будущего года ЕС будет объединять 25 стран, что еще более снизит управляемость этой весьма громоздкой организации. С другой стороны, абсолютное большинство европейцев явно не готово к ускоренной «брюсселизации», т.е. передаче структурам Евросоюза большей части полномочий правительств отдельных стран. (К тому же аппарат ЕС и без того часто обвиняют в чрезмерном бюрократизме.) Региональное сотрудничество представляет в этом отношении разумный компромисс, находясь между «еврократическим» и национально-государственным уровнями управления. В рамках ЕС уже существует весьма успешная модель такого сотрудничества — Бенилюкс (Бельгия, Нидерланды, Люксембург). Черты мощного регионального объединения приобретает и франко-германский тандем, есть неплохие перспективы взаимодействия у скандинавских стран, а в Центральной Европе с переменным успехом, но в целом полезно для всех ее участников работает «вышеградская четверка» (Венгрия, Польша, Словакия, Чехия).

Как сочетать нужды интеграции и потребности отдельных государств? «Чем дальше будет расширяться Евросоюз, тем более разнородным он будет, — отмечает обозреватель немецкого журнала «Ди Цайт» Юрген Кокка. — Поэтому необходимо позволить отдельным группам стран-членов более тесное сотрудничество между собой в тех или иных областях — например, в социальной политике». У регионов есть и другое преимущество: именно они могут служить мостиками в «другую», нееэсовскую Европу и даже за ее пределы. «Развитие особых связей с соседями, — пишет тот же автор, — которые тем самым оказались бы в союзных отношениях с ЕС, может сгладить негативный психологический эффект, вызванный отказом принять их в Союз на правах полноценных членов»¹⁹. Таким образом, в перспективе Старый Свет мог бы стать конгломератом стран и народов, объединенных разнообразными видами связей — межгосударственных, межрегиональных, конфедеративных и федеративных. Кризис, разразившийся в ЕС в конце 2003 года, когда Испания и Польша, с одной стороны, Франция, Германия и Италия — с другой не смогли достичь компромисса по вопросу о представительстве отдельных стран в органах Евросоюза после расширения, подтверждает, что «разноскоростная» Европа с одновременно существующими несколькими моделями интеграции — проект более реалистичный и жизнеспособный, чем действительно единая Европа, «переработанное и дополненное» издание империи римских цезарей, Карла Великого или Наполеона.

В качестве моделей сотрудничества в рамках такой, действительно «большой» Европы нашлось бы место и ЕС, и другим интеграционным проектам,

¹⁸ Подробнее см., напр.: Structural Policies and European Territory. Cooperation without Frontiers

¹⁹ J. Cocks. Wo liegst du, Europa? // Die Zeit, 2002. # 49.

в том числе на пространстве бывшего СССР. Некоторые страны, которые давно и активно претендуют на членство в Евросоюзе (например, Турция), но вряд ли способны в обозримом будущем выполнить все требования этой организации, касающиеся экономической, политической и государственно-правовой системы, вполне могли бы со временем стать ассоциированными членами ЕС. Другие варианты взаимодействия возможны с такими государствами, как Россия и Украина, чье вступление в ЕС вряд ли будет целесообразным даже в отдаленной перспективе. Россия, переставшая быть мировой сверхдержавой, остается крупной евроазиатской державой, и эта роль вряд ли может сочетаться с членством в ЕС. Такое членство могло бы повредить как самой России, чьи возможности для ведения самостоятельной политики будут в этом случае заметно ограничены, так и ЕС, корабль которого получил бы слишком сильный крен на восточный борт. Но в рамках гибкой многоуровневой «большой» Европы нашлось бы место для самого разнообразного и широкого сотрудничества России и ее западных соседей. Если в американской политической иерархии существует такое понятие, как ENA (Essential Non-NATO Ally – «важный союзник, не являющийся членом НАТО»), то почему бы и Европейскому союзу не подумать в перспективе о формализации статуса тех стран, развитие связей с которыми представляется особенно важным?

Альтернативой всестороннему сотрудничеству в восточной части Европы может быть только изоляция или самоизоляция РФ, означающая ее «уход» в Азию. Такой сценарий сделал бы и Европу, и Россию куда более бедными (в материальном и духовном смысле) и небезопасными регионами мира. К счастью, пока подобное развитие событий представляется маловероятным. Оно таковым и останется, если все европейские народы будут помнить о двух принципах, с которых почти полвека назад, вскоре после самой страшной из войн, пережитых человечеством, начиналась европейская интеграция. Эти принципы – мир и свобода.

Прага